Текст · 26 сентября 2022, 19:36
Анна Павлова,

Два дня протестов против мобилизации в Дагестане. Рассказы задержанных

В Дагестане начали протестовать сразу после объявления мобилизации. Уже 22 сентября жители села Бабаюрт перекрыли федеральную трассу и пришли к местному военкомату, чтобы высказаться против призыва на войну. 25 сентября стихийная акция прошла в хасавюртовском селе Эндирей: десятки местных жители перекрыли дорогу Махачкала — Хасавюрт, чтобы их разогнать полиция открыла стрельбу в воздух.

В тот же день возмущенные люди собрались на антивоенную акцию в самой Махачкале, где праздновали День города. Собравшиеся скандировали «Нет войне» и «Мы за мир». В основном протестовали женщины, но были и мужчины — именно их полицейские хватали первыми, участницы акции пытались их отбивать. Начались стычки между демонстрантами и полицией. На одно из видео попал момент, когда полицейский бьет задержанного мужчину, а тот отвечает ему ударом головой в лицо. Как рассказывала «Медиазоне» участница акции, полицейские распыляли в протестующих перцовые баллончики и били электрошокерами.

Глава Дагестана Сергей Меликов признал, что в ходе мобилизации на службу призвали людей, которые под нее не должны были попасть, и обещал, что главы городов и районов «понесут

персональную ответственность». После сегодняшней акции Меликов начал утверждать, что митинги «были подготовленными и управлялись в том числе из-за рубежа» и пообещал, что республика выполнит задачи по «частичной мобилизации».

«Медиазона» поговорила с двумя участниками акции 25 сентября и записала их рассказ о протесте и задержании.

Зухра[1]. «С нами был парень 16 лет. Его отец недавно вернулся с Украины»

Я видела, как [полицейские] толпой нападали на парней. В основном они просто нападали на парней, которые убегали, либо просто выцепляли кого-то из толпы и где-то человек шесть-семь, даже, может, восемь прыгали на него сверху, человек вроде уже лежит на полу, для чего нужно нападать на него, когда он ничего не может сделать. Просто отводили в «бобики». Так пятерых-шестерых только на моих глазах взяли.

Последний момент, который я увидела, из-за чего и меня взяли тоже, они на какого-то худого парня накинулись ввосьмером, он просто в сторону отходил. Там была огромная толпа полицейских, накинулись на него, и начали его в пол втаптывать буквально. И подошел еще какой-то сотрудник с дубинкой то ли по полу, то ли по его голове ударил. Ну это было жестоко, и я не смогла оставить в стороне. Я начала подходить, типа зачем вы на него так толпой кидаетесь, он же и так не сопротивляется. И в этот момент, блин, и меня начали толкать назад, типа уходи. [Сотрудник] мне

брать начал, короче, за руку: тебе, говорит, уже три раз сказали отсюда уйти, что, самая борзая, что ли, и назад меня толкать начал. Я чуть не упала, и я ему говорю: «Убери от меня руки, чмошник». И сзади меня стоял сотрудник, он говорит: «Эту тоже заберите, за языком следить не умеет».

Меня схватили за обе руки, блин, над землей чуть-чуть приподняли, футболка тоже у меня приподнялась. Уроды, даже поправиться не дали и завели меня в машину. Сначала этот сотрудник говорит: «Посадите к парням». Типа назло меня назад. Я сказала, что у меня клаустрофобия, к тому же там уже двое человек. И они меня в салон посадили, короче, и забрали в отдел.

Там, блин, такие скачки были, мы в трех отделах были, блин. Я уже устала вообще разъезжать по этим отделам больше, чем там находиться. Поехали в Ленинский райотдел, всех набили туда, штук пять-шесть машин. Кстати, у половины людей, которых туда привезли, по одной обуви или вообще обуви не было, где-то там осталась на Ленина[2], откуда их брали. Они без обуви стояли на улице, на холоде. Мы все там стояли во дворе ни туда зайти не давали, ни выйти, как в загоне держали минут, наверное, 30-40.

Потом [полицейские начали снова] сажать в автобус, а автобус буквально забили, блин, там уже дышать нечем было, пихали и пихали людей. Пацаны кричали, типа, у вас что, один автобус на всю Махачкалу, что ли? Вдобавок сотрудники штук шесть-семь зашли туда, и мы поехали в Советский [райотдел].

Там уже стоят два таких же автобуса, уже стоит куча людей. Нас где-то минут 40, если не час, держали в этих автобусах, они не могли определиться, куда нас деть, каждый подходил, как на обезьянок, смотреть и спрашивали имена-фамилии. Приметы спрашивали. Здесь, говорят, есть пацан в синей мастерке с гематомой на лице. Я не знаю, для чего они это спрашивали, не думаю, что какой-то родитель увидел на видео своего ребенка и такой: в синей мастерке и с гематомой на лице мой сын. Они, по ходу, видео эти смотрели, перед автобусом стояли двое сотрудников, что-то там в интернете смотрели, потом на наш автобус, потом снова в телефон. Видимо, искали каких-то определенных буйных парней, чтобы, видимо, хорошую жизнь им показать.

С нами еще был несовершеннолетний парень, ему было 16 лет. Его отец недавно вернулся с Украины, он участвовал в боевых действиях. Когда нас оттуда уже вывозили — они решили нас в Кировский отдел вести, потому что нас слишком много было — этот парень начал орать: «Успокойся, перестань!». Это его отец стоял у отдела, он увидел своего сына, начал кидаться, сотрудники начали его толкать, он начал орать на них, мол, кто вы такие, я за эту страну там кровь проливал. И пацан еще кричал: «Оставьте

его, он с Украины только приехал, он на нервах». И сотрудники тоже начали кричать, типа, успокойтесь, он служивший.

В Кировском нас построили в шеренгу, спросили, есть ли несовершеннолетние, их было трое, их отправили в ПДН[3]. Остальные 33 зашли в здание. Нас посадили

в актовый зал, девочек — нас было трое — завели в отдельный кабинет и там писали, блин, протокола эти. Один такой отвратительный сотрудник все время, пока он записывал мои показания, пытался пихнуть туда «несанкционированный митинг». А я реально не шла туда целенаправленно, я была на работе. Я вышла на выстрелы какие-то, я слышала три хлопка сильных и оказалась в этой гуще событий.

Я [сотруднику] начала рассказывать, как было. Он начал мне говорить: «Все прекрасно знают, что вы там не были просто так. Я это записывать не буду». Типа вот этот бред, который вы рассказываете. Потом [старшие] его заставили писать то, что я говорю, но он своим почерком заполнил одно поле от моего имени и говорит: «Здесь подпиши». Я смотрю: он там написал, что я такая-то участвовала в несанкционированном митинге. Думал, что почерк неразборчивый, и я как лошара буду просто подписывать все, что он мне дает. Я сказала, что не буду это подписывать, попросила переписать. Он разозлился и такой: «Да мне вообще плевать, я пишу здесь отказ от подписи». Так и не дал мне расписаться. И копию протокола не дал.

Когда уже все сделали, мы стояли на улице, парни говорят: «Вам еще повезло, что вас на второй этаж не отправили, там вообще как пресс-хата». И нам в самом кабинете двое сотрудников тоже сказали: «Хорошо,

что вы девочки, вам повезло, вас бы сейчас на второй этаж отправили бы, и вам бы это не понравилось». По ходу, их били. Ну, они не сказали, что их там били, но некоторые были такие… выдохшиеся.

Там был турист из Казани, у него был коптер, они его отвели в отдельный кабинет. Они говорят, что это бред, что он приехал на отдых. Они думают, что он организатор.

Видео на YouTube

YouTube

Два дня протестов в Дагестане: что происходит в республике, недовольной мобилизацией

@Медиазона

https://youtu.be/QJCVsUCAqBY

Расул[4]. «Они говорят: "Дайте телефоны". Я говорю: "Не дам". Начинают меня бить электрошокером»

Я знал, что будет, но я ходил туда не намеренно, мне было интересно. Если брать полностью [пространство] между Русским театром и кукольным-[5], по моим оценкам, где-то 250 человек было.

Я пришел туда в полпятого-пять, когда началась заварушка, когда начали бить женщину, и тогда у многих сдали нервы. Ее повалили на пол и там уже чуть ли не душили, начали их разнимать, мужчины начали бурно нападать на полицейских. И тогда началась стрельба. В этот момент одна девочка несовершеннолетняя побежала, есть даже видео, где

за ней бегут, и ее пытались спасти, но не получилось — полицейский достал пистолет, начал стрелять в воздух и целиться в людей. Были в основном женщины. Женщины тоже защищали мужчин, когда их хватали. Но задерживали в основном мужчин.

Я стоял возле входа в Русский театр, тоже снимал, и за мной погнались. Я сбежал от первых. Остановился, потом смотрю направо, бегут тоже молодые парни. Я думал, это просто от полицейских тоже бегут, но, оказывается, они бежали за мной. Это были просто переодетые полицейские. Ну, так меня задержали, в принципе.

Меня посадили в «бобик», машину ППС, потом посадили еще молодого мальчика 17 лет. Они говорят: «Дайте телефоны». Я говорю: «Не дам». Они начинают меня бить электрошокером в ногу. Это оказалось не так больно, как я думал. Потом он начинает тянуть меня за руку и бить шокером в руку, а другой достает перцовку. Я как бы не захотел получать перцовку в глаза и сказал: «Ладно, ладно, только не брызгать, отдам».

Нас отвезли в Ленинский РОВД, выпустили и два часа где-то держали во внутреннем дворике. Каждые пять минут заводили по два, по три человека новых. Примерно к семи там нас набралось человек 60. В основном были мужчины и где-то десять девушек. Потом нас перевезли в Советский РОВД. Перед этим отдали телефоны, я успел все удалить и скинуть его друзьям, которые ждали меня у отделения.

В Советском РОВД нас было около 30 человек, мы были там примерно с семи-полвосьмого до четырех

утра. Там довольно вежливо общались, хотя были некоторые провокаторы, один меня толкнул в спину.

Но был момент, когда зашел полковник один. Он был не по форме, просто, учитывая, что он жирный, наглый и его боялись другие лейтенанты, капитаны, майоры, скорее всего, подполковник или полковник. Там было много сельских, он начал спрашивать, кто откуда. Один ответил, что с Гергебильского района, тогда [полицейский] начал уже допрашивать его на аварском. Он спрашивает: «Ты служил?». Тот отвечает: «Нет» — «Почему? Здоров?» — «Да». — «А чего не служил?» — «Ну, не знаю, не захотел». Короче, это его, видимо, выбесило, и он его взял за шею и отвел за дверь. Оперативник, который на меня составлял [протокол], такой: «Бля, сейчас пойдут пиздить».

Я озвучивал версию, что я туда приехал не на акцию, а потом другой оперативник написал, что я пришел на митинг. Я ему говорю, что это не так. Он такой говорит: «Ну, смотри, я тебя могу тут короче, 48 часов держать». Ну, и я подписал. Я просил сделать копию, но там они бегали то туда, то сюда, я не знаю, может, это специально делалось, может, просто неслаженность работы.

Вообще я против мобилизации. И сам под нее подпадаю, у меня не было опыта боевых действий, но я служил в армии, и не особо мне хочется идти [на войну]. К войне я тоже негативно отношусь. Хотя первый оперативник, который допрашивал, спросил про отношение к действиям российского государства на территории ЛНР и ДНР, и я сказал, что положительно. И он спросил: «Пойдете служить, если придет повестка?». Я такой: «Да, пойду». Ну чтобы

лишний раз не привлекать внимание. Они у всех спрашивали, кто-то спорил, возражал.

Пока мы там были, на пятерых уже оформили уголовку. Одному из них было 17. Они же между собой общаются: «У этих уголовка, ведите их на четвертый оформлять». Там же тоже снимали ЦПЭшники, и они по видео находили тех, кто дрался.

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Имя изменено.

2. Митинг начался на углу улицы Ярагского и проспекта Гамзатова, который местные жители по привычке называют по-старому проспектом Ленина.

3. Подразделение по делам несовершеннолетних.

4. Имя изменено.

5. Русский театр и Театр кукол находятся на проспекте Гамзатова в центре Махачкалы.